

безусловно, носит характер столь необходимо-медиевистам справочника.⁴

В Заключении автором монографии подчеркнуто, что пока воссоздана лишь небольшая часть значительного книжного собрания коллекционера, но выявленные критерии позволят продолжить работу «для дальнейших атрибуций древнерусских рукописей, принадлежавших этому человеку» (с. 148). Часть из них в XX веке могли переместить в рукописные фонды других собирателей, часть оказалась в малодоступных частных собраниях, другие были утрачены во время Гражданской или Великой Отечественной войн. Наиболее актуальной и важной задачей современных археографов Новикова называет необходимость «воссоздать биографии крупнейших коллекционеров рукописных книг, реконструировать состав их библиотек, определить ценность каждой входящей в них рукописи и проследить ее дальнейшую судьбу» (с. 149). И хотя исследовательница полагает, что изучение жизни и собирательской деятельности Плигина только начато, представляется, что ее работа открывает новые перспективные методы комплексного подхода в анализе рукописных книжных коллекций.

Особо хочется подчеркнуть богатый иллюстративный материал, представленный в исследовании, который дает возможность читателю убедиться в выводах автора.

В рецензии принято отмечать недостатки работы. Делать это в нашем случае чрезвычай-

но сложно и не очень хочется. Они незначительны.

Так, хотя Новикова определила, что запись о приобретении 23 ноября 1877 года рукописного Апостола XV века (БАН. Собр. Ф. О. Плигина. № 51 (21.4.9)) читается еще на трех рукописях (с. 70), однако данная рукопись в итоговую таблицу не попала.

Представляется, было бы удобнее для читателя, если бы ссылки на конкретные рукописи в тексте монографии сразу шли с указанием их датировки. Возможно, это несколько увеличило бы объем монографии, но с большей наглядностью продемонстрировало бы ценность каждой рукописи собрания Плигина.

Остается ряд вопросов о «плигинских» переплетах. Были ли приемы в их оформлении разработаны только для рукописей коллекции конкретным мастером? Или существовала какая-то региональная традиция, которой этот мастер или мастера придерживались? Отметим, что исследовательница корректна в выводах и решает вопрос об атрибуции только опираясь на комплекс выявленных ею признаков.

Монография Новиковой — чрезвычайно интересный и важный шаг в решении проблемы воссоздания «распыленных» собраний рукописных памятников. Установление фактов биографии Плигина, истории его собрания и принципов формирования библиотеки является данью памяти замечательному волжскому коллекционеру. Она будет интересна не только медиевистам, но и специалистам по истории русской литературы XIX–XX веков, так как помогает увидеть уровень культуры, круг интересов и традиции семейного уклада значительной части русского старообрядческого кучества той поры.

⁴ На это обратили внимание авторы каталога. См.: *Корогодина М. В., Сапожникова О. С., Сергеев А. Г.* Описание рукописей XV века. М.; СПб., 2022. Вып. 1. Священное Писание (Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской Академии наук). С. 204.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-265-266

© А. М. Грачева

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ РАЗНООБРАЗНЫХ СНОВИДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-СНОВИДЦЕВ»*

Монография Анны Возняк — авторитетного специалиста по русской литературе XIX и XX веков, профессора emeritus Католического университета Люблина имени Иоанна Павла II — раскрывает существенные параметры онейрического «кода» русской литературы Нового вре-

* *Woźniak Anna.* Два мира: Сны и онирические мотивы в русской литературе XIX–XX веков / *Dwa światy: Sny i motywy oniryczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku.* Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.

мени. Теме снов в произведениях российских классиков посвящено значительное количество литературоведческих трудов, разных как по объему, так и по глубине научного анализа. Однако адекватное изучение отражения и изображения литературных сновидений требует междисциплинарного подхода: соединения теорий и методологий филологии, философии, культурологии, психологии, психиатрии да и, наконец, авторского «бессознательного», т. е. художественного чутья. Парадоксально, что в практике исследования сновидений в русской

литературе есть только один уникальный прецедент, соответствующий необходимым критериям и созданный не ученым, а писателем. Имеется в виду авангардная книга А. М. Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский».¹ По своей структуре это — сложный по составу, но концептуально завершённый коллаж, образованный из текстов разнообразных малых форм (эссе, статей, миниатюр). В этой книге, представляющей собой единое, эстетически самодостаточное художественное целое, автор изложил свои взгляды на семантику и поэтику сновидений в произведениях русских классиков. При этом он рассматривал их как жанр, как прием, как проявление психологии и психопатологии автора. В «Огне вещей» Ремизов выступил одновременно как бы во многих ипостасях: писателя, ученого-филолога, философа, психоаналитика.

Возвращаясь к анализу монографии, надо отметить, что Возняк — один из самых авторитетных современных исследователей творчества Ремизова, автор посвященных ему статей и монографий.² Уникальность новой книги заключается в том, что в ней Возняк использует и фактически развивает далее методологию, созданную и апробированную Ремизовым в книге «Огонь вещей», применив и «адаптировав» ее к области научного изучения онейрических опытов русских писателей.

В первой главе «Теоретические установки и концепции на тему сна и сновидений» автор монографии определяет и обосновывает базовую установку своего исследования — использование психоаналитических, философских, семиотических, филологических методов анализа сновидений, и в том числе особо останавливается на онейрической концепции Ремизова. Возняк кратко, но глубоко разбирает концепцию этого «знатока и оригинального теоретика сновидческого литературного искусства», который пытался «определить онтологическую природу и феномен сновидения» (с. 39). Далее, в главах, посвященных литературе XIX века, автор почти точно идет вслед за Ремизовым, вычлняя фактически ту же магистральную «линию» писателей-сновидцев XIX столетия (А. С. Пушкин — Н. В. Гоголь — Ф. М. Достоевский — И. С. Тургенев). В этой части монографии примечательна своеобразная «переключка» исследовательницы с автором «Огня вещей». Зачастую используя его приемы художественного анализа текста и многократно ссылаясь на своего предшест-

венника, Возняк рассматривает уже иные сновидения тех же писателей-классиков, что добавляет новые составляющие в понимание природы онейрической стороны их творчества.

Однако далее исследовательница продолжает начатую Ремизовым тему, применяя в трансформированном виде его приемы познания сновидений к писателям уже следующего, XX века (И. А. Бунин — И. В. Одоевцева — Б. В. Вильде — Абрам Терц / Андрей Синявский). Возняк обращается к творчеству писателей-эмигрантов, смотревших на свою жизнь в чужом мире «сквозь призму сна, который стал эквивалентом памяти и воспоминания» (с. 304). Наиболее оригинально выглядит выполненный ею с помощью ремизовской методики анализ снов в произведениях Бунина — многолетнего оппонента Ремизова, не приемлющего его фантазмагорическое авангардное творчество в целом и, в частности, его практику публикации своих сновидений, героями которых были многие парижские эмигранты, их общие знакомые, и в том числе сам нобелевский лауреат. Главы монографии, посвященные литературе XX века, отличаются новаторским характером и убедительно доказывают плодотворность междисциплинарного подхода к исследованию данной проблематики. Они также являются созданным ученым-филологом как бы *научным продолжением* «Огня вещей», демонстрирующим актуальность художественной методологии, намеченной Ремизовым.

Особо надо отметить легкий стиль Возняк, иногда приближающийся к свободному движению художественной прозы. Как пример можно привести первую фразу, которой открывается финальная глава «Вместо заключения», содержащая четко структурированные научные выводы из проведенного исследования: «Мы просыпаемся теперь и на этом заканчиваем наше путешествие по стране разнообразных сновидений русских писателей-сновидцев: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Бунина, Одоевцевой, Вильде и Синявского-Терца» (с. 303). В добавление необходимо отдельно подчеркнуть оригинальность немногочисленного, но нетривиального иллюстративного материала: текст дополнен воспроизведением цветных репродукций картин Ф. Лейтона «Палящий июнь» (1895) и Й. Г. Фюссли «Кошмар» (1781). Строгий и изящный стиль отличает художественное оформление книги в целом.

Монография Возняк — незаурядное и ценное научное исследование, во всей полноте демонстрирующее мировой научный уровень польской русистики XXI века. Эта книга будет востребована не только филологами и специалистами других областей гуманитарного знания, но также всеми, кто интересуется, перефразируя выражение К. Юнга, научным искусством «толкования сновидений».

¹ Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж, 1954.

² Woźniak A. 1) Tradycja ruska według Aleksiego Riemizowa. Lublin, 1996; 2) Aleksy Riemizow na rozdźwiękach literatury. Studia i szkice o twórczości pisarza. Lublin, 2015.